

Е

го всю жизнь преследует обворожительный запах кукурузного чурека.

В 1947-м далеком послевоенном году с хлебом было тяжело. В очередь за ним к магазину посылали и пацанят. Вставали в четыре утра. Не все, конечно, а кого поднимали родители: Кузьму и Хасанчика, и хитрющего пчеловода Шурку, и Алку из соседнего подъезда, и дочку учительницы Верку.

Послевоенные ребятишки — босонята: с весны до осени бегали без обуви. У кого имелись школьные сандалии, берегли.

Но речь не об этом: о маленьком вкусном чуреке, что принес однажды полусонный Хасанчик в хлебную очередь. Свою кукурузную лепешку он давал друзьям только понюхать. А когда его просили отломить вкуснятину, Хасанчик, отбегая, кричал:

— Догони! Догони!

Кузю пронзил тогда чуречный запах так, что закружилась голова. С отчаянием он посмотрел на сверкающие вершины гор и именно тогда дал себе клятву: «Когда вырасту большой, напеку таких чуреков выше нашего Эльбруса».

И в тот миг Хасанчик опять провел рукой с чуреком у носа кореша и озорно позвал:

— Догони! Догони!

Обозленный Кузьма-Кузя принял вызов. Заварт пацана подстегибал аппетитный кукурузный аромат лепешки.

Хозяин чурека в беге выдыхался, на ходу уже миролюбиво орал спасительные слова:

— За одним не гонка — человек не пятитонка!

Но шустрый Кузьма яростно преследовал бегуна, пока тот не приземлился на песок. Падая на мягкую кучу, Хасанчик на лету хотел проглотить свой чурек, уже чуть приподнял руку, но чурек с ходу выхватил и тут же проглотил новость откуда взывшийся голодный Тузик.

Бегуны застыли от изумления и напряжения, глядя, как рыжий пес быстро убежал в четырехлапом собачьем галопе.

— Ворюга! — кричал вслед Хасан. — Я буду тебя казнить, Туз!

— Казнить, может, не надо, — возразил Кузьма, — но побить Туза стоит.

— Нет, казнить надо! — громко выкрикнул обиженный Хасан, лежа на песке.

«Казнь» состоялась вечером.

А в то памятное летнее утро все дождалось хлеба. Каждый малый добытчик основной еды возвращался домой гордым и радостным, и по пути чуточку откусывал от уголка своей буханочки, за что потом получал подзатыльник от вечно занятых и сварливых мам, бабушек и дедушек. Отцов в израненных войной домах тогда почти не было, зато подзатыльники были. Но что такое подзатыльник по сравнению с вкуснейшими малюсенькими кусочками ароматной хлебной буханки?! Да ничегошеньки!

Ни-че-гошеньки и пустяк.

И затрепины босоногая детвора принимала как должное за свою невольную шкodu, потому что больше всего на свете тогда хотелось хлеба...

Но при этом ребята подворовывали дома еду для Тузика, поджидавшего их у магазина. Пес отчаянно и преданно любил детей за эти угощения и радостно бежал за ними по ямам и колдобинам от бомб на улице Степной.

Но почему Тузик тем утром совсем не по-дружески выхватил пахучий кукурузный чурек? По какому праву?

Рассерженные пацаны решили по-своему казнить пса за наглую собачью выходку. В тот же вечер для приманки Хасан опять стащил из дома чурек. Конечно, вначале щедро поделился с товарищем по хлебной очереди.

У Кузи снова закружилась голова: он поневоле взглянул туда, где ему утром подмигивал Эльбрус. Но сейчас там светились лишь далекие звездочки. И полуголодный мальчонок обещал себе: «Когда вырасту большим, то буду работать в пекарне и напеку горы хлеба и чуреков».

Клятва сбылась. Кузьма Антонович почти всю свою жизнь проработал в пекарне. Напек, действительно, горы хлеба. Но до сих пор удивляется, почему аппетитные запахи пекарни не притупили аромат того послевоенного чурека.

Почему так произошло? Может, потому что сбылась тайна клятвы. А возможно, и потому, что детство уходит, а память остается.

А с «казнью» Тузика вечером случилось вот что.

Кузьма по уговору с корешем кинул последний кусочек чурека собаке. Тузик вмиг проглотил угощение. А Хасанчик, сев на него верхом, быстро завязал на кольцеобразном хвосте приготовленное ожерелье из пустых консервных банок. Тузик лежал покорно, не сопротивлялся. Он

привык к шалостям добытчиков, терпел их ради хлеба и дружбы. Но такой коварной издевки пес не ожидал. Когда его отпустили, Туз привычно взмахнул хвостом. Раздался грохочущий консервный звон. Вся дворовая команда добытчиков попадала со смеху.

«Казнь» состоялась.

Рыжая собака с грохочущим «ожерельем» на хвосте ошалело мчалась по улице Степной и быстро скрылась в разбомбленном соседнем двухэтажном доме. Там, в развалинах, еще жили бродячие собаки и бездомные послевоенные люди.

...Рыжий Тузик в хлебную очередь не приходил целых два дня. На третье утро появился. Босоногая команда шумно обрадовалась четвероногому другу. Не сговариваясь, все до одного отщипнули от своей буханки любимцу.

И хотя потом пришлось детям расплачиваться привычными подзатыльниками, они были довольны.

Что такое подзатыльник по сравнению с дружбой?! Чепуха.

А на другое утро Хасан снова принес чурек, специально для Тузика. Глаза собаки светились в темноте. Мальчик гладил друга. И все были почему-то счастливы...

